

И.Я. ЛЕВЯШ

Постиндустриализм: проблема адекватности концепта

Если согласиться с Э. Гидденсом, что "глобализация - термин, который должен занять ключевое место в лексиконе общественных наук" [Гидденс, 1999, с. 113], то следует признать, что у этого концепта совершенно необычная судьба. В арсенале современного знания о социуме есть немного понятий, которые, более или менее выражая топос реальности, гораздо менее определенно - ее хронос и уже вовсе неопределенно - логос, или смысл, способны претендовать на парадигмальный статус. Понятию глобализации — едва ли не самому спорному в современном социально-гуманитарном знании - в полной мере присущ этот парадокс. Тем более это относится к конкурирующим концептам, претендующим на выявление смысла глобализации. Не ставя целью анализ в этом ракурсе всех понятий, вычленим один из них - концепт постиндустриального общества. Такой выбор обусловлен тем, что контент-анализ отечественных изданий научного и публицистического характера свидетельствует о чрезвычайной экспансии этого понятия, ставшего визитной карточкой известной концепции.

Она была представлена американским социологом Д. Беллом [Белл, 1999] (русское издание в переводе В. Иноземцева с авторским предисловием). Анализ работы как научного издания испытывает значительные трудности. Как пишет Белл, «речь идет о концепции типа "как будто"... это плод моего воображения, логическая модель того, что могло бы быть, модель, с которой социальная реальность будущего сопоставляется, чтобы выявить факторы, которые в состоянии направить развитие общества по иному пути» [Белл, с. LXXXVI]. Здесь, в противоположность любой научной процедуре, не модель сопоставляется с реальностью, а наоборот, и это реальность будущего, которая менее всего поддается верификации. Но, оказывается, речь идет даже не о реальности, а о реальностях, поскольку автор предлагает "разъединить" общественные отношения и технологии, рассматривая их «как независимые исторические переменные. Так, по "оси" общественных отношений можно мысленно расположить рабовладельческий, феодальный и капиталистический строй, выделенные на основе общественных отношений, а по технологической "оси" - доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества» [Белл, с. ХCVIII-ХСIX]. Но в таком ракурсе вообще невозможно обсуждать проблему общества, в том числе и постиндустриального, как определенной *целостности*, и дело сводится лишь к версиям его различных сегментов. Это напоминает портрет одного французского художника. На рисунке изображен его друг... с тремя глазами. Недоумение "модели" было исчерпано ответом: "Я тебя так вижу". Правда, художник не дерзнул назвать свое творчество концептуальным.

Л е в я ш *Илья Яковлевич* - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Минского государственного лингвистического университета.

Строго говоря, если концепцией считать систематизированное теоретическое моделирование сущности, закономерностей и тенденций определенной реальности, то на проверку выясняется, что общественное мнение востребует не концептуальную основательность и прежде всего ее соответствие реальности, а "одноклеточную" и гипнотическую идею, в которой главное - не прозаическое сущее, а привлекательное должное. Не удивительно, что пик популярности постиндустриальной идеи Белла пришелся на 70-80-е годы - период благоприятного технологического и социального развития Запада, с одной стороны, и дискредитации марксистской методологии в контексте распада коммунистической системы - с другой. Постсоветский человек-масса утратил одну великую идею и взыскует иную, не менее "горную", не претендуя на рефлексию глубинных оснований, противоречий и тенденций реальности, а главное - свою ответственность за нее. Таким непритязательным запросам вполне соответствует Г. Попов, доктор экономики, автор громких публикаций эпохи перестройки, оставшийся равнодушным и к ее трагическим последствиям [Попов^а, 1999]. Отвечая на новые вызовы эпохи, он как будто демонстрирует приверженность ленинскому положению о том, что тот, кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, неминуемо обрекает себя на шатания и оппортунизм. С его точки зрения, "есть один надежный способ оценивать событие истории: взвешивать его на весах главной проблемы эпохи" [Попов^б, 1999]. Однако эта главная проблема формулируется двусмысленно. Вначале как будто констатируется не должное, а сущее: "В России, как и во всем мире, формируется не капиталистический и не социалистический, а постиндустриальный строй" [Попов^а, 1999].

В отличие от популистско-императивного долженствования Попова, видение постиндустриального общества доктором экономики В. Иноземцевым предстает во всеоружии академического инструментария, начиная от обширных статистических выкладок и заканчивая как бы служебным долгом (он - директор Центра исследований постиндустриального общества). Правда, в принципе принятие этого концепта не отменяет предпочтения иного — "постэкономического общества". Но это следствие, а причина в однонаправленности обоих понятий. Ее суть - в "пост"-приговоре индустриальному обществу и маркировке того, что еще ждет или уже пришло ему на смену.

"Крестный отец" отечественного постэкономического мышления более, чем кто-либо в нашем научном сообществе, компетентен в том, что парадигму "пост" разделяют далеко не все социальные мыслители Запада, да и то 60-70-х годов. Это констатация серьезной научной заслуги Иноземцева - его интервью сразу с несколькими мыслителями Запада, авторитетными и за его пределами. В центре дискурса был вопрос: «Можно ли определить складывающийся сегодня в западных странах порядок в позитивных терминах, или же следует и далее пользоваться определениями, основанными на применении префикса "пост"»? С точки зрения Л. Туроу, «сегодня у нас нет названия для этого нового этапа развития. Но это не будет эпоха, которую можно будет обозначить как "пост"-нечто. Это будет эпоха новых возможностей» [Переосмысливая... 1998]. М. Goldman вполне определенно заявил, что «употребление термина "пост" стало неким анахронизмом... Я не думаю, что мы действительно находимся в постиндустриальной эре. Причиной является то, что промышленное производство не только остается весьма значимым, но и в определенной степени становится даже более важным, чем когда бы то ни было ранее, хотя технологические основы его и меняются... даже производство программного обеспечения... остается одной из отраслей промышленности» [Переосмысливая... 1998]. Ф. Фукуяма также полагает, что "мы не сможем найти позитивного обозначения, описывающего эру, в которой мы живем, вплоть до той поры, пока данное общество не будет замещено последующим" [Переосмысливая... 1998]. И в духе своей известной концепции завершает: "До этого момента мы можем ради простоты называть его историческим". Наконец, Дж. Гэлбрейт считает возможным обозначить новую историческую ситуацию, сложившуюся в западном мире, в позитивных терминах. "Таковыми... являются преодоление воинствующего национа-

лизм... глобальный характер современной экономической и культурной жизни". Так что можно назвать эпоху и "глобально-антинационалистической", но если первый компонент здесь - рабочее определение, то второй - явно не согласуется с реалиями.

Но все же, абстрагируясь от оттенков, все опрошенные *отрицательно* ответили на возможность содержательно сформулировать смысл префикса "пост", поскольку не видят реальности самого объекта вербального выражения. Все они полагают, что мы погружены в *индустриальное* общество (с различными вариантами его традиционности - это особенно четко у Голдмана - или новизны). Запомним эту консолидированную позицию, или парадигму¹.

Хотя властители западных дум дружно совершили аутодафе над "успевшим стать анахронизмом" и скорее старомодным, чем содержательным "пост", Иноземцев убежден, что истина - не конвенция. Но поскольку руководимая им структура называется "Центр постиндустриального общества", то этому обществу не только быть в будущем, но как Центр, так и общество бытуют в настоящем. Правда, он не заходит так далеко, как Попов, и видение им ойкумены реального постиндустриального общества хорошо очерчено в контексте следующего вопроса цитируемого выше интервью: "Является ли распад СССР поражением коммунизма или коллапсом примитивной формы индустриальной системы, окруженной постиндустриальной цивилизацией?" [Переосмысливая... 1998].

Вопрос риторический, ибо априорная оценка "тельца на заклание" как "примитивного", явно дается с позиций такого более зрелого состояния, как "постиндустриальная цивилизация". В этом не было бы методологического греха (по Марксу, "анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны"), если бы не очевидное противоречие с другой безупречной максимой Маркса: "объективное определение, данное природой самого предмета" [Маркс, Энгельс, т. 1, с. 124]. С таких позиций приснопамятный СССР - не "обезьяна", а другой "человек", и только его "анатомия" - ключ к постижению его фиаско. Разумеется, и наш "человек" - не Робинзон, и компаративный анализ его взаимодействия с другим "человеком" - Западом также необходим и значим. Но оценивать наш феномен только с его позиций - значит исповедовать западнцентризм как исторически "снятую", хотя и идеологически живучую формулу линейного видения структуры и динамики социума.

Здесь мы вплотную подошли к "сверхзадаче" Иноземцева [Иноземцев, 1998]. Комментирует его монографию Ю. Солодухин. В своей статье-рецензии он отмечает, что главную причину методологической ограниченности наличных версий теории постиндустриального общества, не позволяющих ей стать полностью адекватной теорией, Иноземцев видит в том, что она "была создана в первую очередь как инструмент осмысления специфики современного момента и направления развития цивилизации" [Иноземцев, с. 121]. Очевидно, считает Солодухин, это следует понимать так, что создатели теории "опирались преимущественно на реалии и опыт последних десятилетий уходящего века, не уделив должного внимания закономерностям всего хода исторической эволюции человечества. Собственно поэтому автор книги и стремится к созданию всеобъемлющей теории общественного прогресса, точнее, даже философии истории (нетривиальный для экономиста замысел! - *И. Л.*), что делает его сторонником интеллектуального направления, виднейшими представителями которого являлись Г.Ф. Гегель и особенно К. Маркс" [Солодухин, 1999, с. 89]. Непонятно, почему в русле "интеллектуальной традиции" предпочтение отдается отцу праксеологии Марксу, хотя ее хрестоматийная вершина - апология "абсолютного духа" Гегеля. Но это не главное. Читаем далее: "И Гегель, и Маркс не отказывались...

¹ Парадигмальный характер такого вывода усиливается тем, что авторитетный социолог Р. Инглхарт последовательно оперирует концептами "зрелое", или "передовое индустриальное общество". Этому же посвящен доклад Инглхарта на международной конференции в Москве в 1996 году. Работа этого автора "Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе" поразительным образом оказалась в составе книги [Новая... 1999] под редакцией Иноземцева. Поистине "я тебя так вижу".

от попыток создания теории исторического процесса, претендующей на универсальный его охват и обоснованное видение" [Солодухин, с. 89].

Претензия, конечно, похвальная, но в ней, как в доме Облонских, опять все перемешалось, в том числе и в расстановке "вещей", которых... нет. Гегель действительно был движим интенцией создания теории исторического процесса, претендующей на "универсальный его охват", т.е. энциклопедической системы. Хорошо известно, что в эпоху фатальной обреченности "науки наук" он на этом поприще не стяжал лавров. Но это не бросает тень на гегелевскую методологию, и в ее творческом освоении Марксом - секрет его принципиально иного универсализма.

Диалектический универсализм, в противоположность метафизическому, устремлен не к "охвату", он пытается объять не необъятное (вширь), а сущностное (вглубь), его "последние основания". Как результат такого постижения, они выступают в форме универсалий - теперь уже исходного пункта и методологических ориентиров дальнейшего познания.

В таком контексте попытаемся вычлнить базовые марксовские универсалии, которые значимы для обсуждения проблематики постиндустриального общества. В своем концентрированном виде они сфокусированы в ответе Маркса на упреки позитивистов в его нежелании заниматься "системосозиданием". «Revue Positiviste, - пишет он, - упрекает меня, с одной стороны, в том, что я рассматриваю политическую экономию метафизически (примечательное признание позитивистами Маркса не как "экономиста", а как философа. - *И. Л.*), а с другой стороны, отгадайте-ка, в чем? - что я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов (контровских?) для кухни будущего» [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 19]. Этот ответ помещен в предисловии к "Капиталу", что свидетельствует о его программном характере.

Каков его смысл? Автор "Капитала" подчеркивает сверхзадачу своего поиска - революционное в ту пору дистанцирование от традиционного универсального "охвата", "системосозидания"; философский (сущностный) подход к центральному предмету своих исканий - природе, структуре и динамике не общества "вообще", а конкретно-исторического европейского общества середины XIX века; принципиальную оппозицию утопической манере "сочинять рецепты для кухни будущего". Критический анализ "данного", как заметили уже первые позитивисты, далеко не сведен к "экономизму" и представляет собой слав формационной, цивилизационной и культурологической методологий. *Формационной* - потому что наличное европейское общество предстает как конкретно-историческая общественная формация с характерными для нее способом производства, социально-классовой структурой и адекватной им политико-идеологической надстройкой. *Цивилизационной* - как "царства необходимости", совокупности результатов человеческой деятельности, которая соответствует ее отныне господствующего алгоритму - отношению труда и капитала, его "железному" воспроизводству в ритмике индустриальной цивилизации. В ней, по идее, главная производительная сила - не субъект, а объект и даже, по А. Платонову, "дубъект" этой циклопической махины. *Культурологической* - как "царства свободы", в том числе и видения индустриального общества как культуротворческого процесса, определенной исторической ступени преодоления былых форм социального отчуждения и освобождения человека труда как демиурга общественного богатства - материального, социального и духовного.

Последний пункт не просто значим в марксовской методологии, а имеет системообразующий, интегративный и в этом смысле универсальный характер. Природа социального познания, в сущности самопознания, такова, что его рациональная точка отсчета - позиции (интересы, ценности, смыслы) не абстрактного человечества, а конкретно-исторического человека труда - творца общественного богатства и - без патетики, а функционально - высшей ценности. Структура и восходящая или нисходящая динамика (прогресс или регресс) общественного строя могут быть объективно оценены лишь с таких позиций. В этом - научная плодотворность и признанная всеми авторитетными оппонентами Маркса эвристическая ценность его практического

гуманизма как философии реального преодоления конкретно-исторических форм социального отчуждения и относительного освобождения человека труда.

Маркс неизменно рассматривает эту столбовую проблему человечества сквозь призму анализа способа деятельности: "К свободе относится не только то, чем я живу, но также то, *как я живу*, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно" [Маркс, Энгельс, т. 1, с. 68]. В таком ключе индустриальный способ производства, безотносительно к своим общественным формам, по определению является ареной и свободы, и несвободы.

С одной стороны, это способ относительно свободной деятельности как реализации сущностных творческих сил человека в индустриальном труде на основе науки, ставшей уже в то время непосредственной и революционной производительной силой. В этом смысле, по Марксу, рабочий - на порядок более зрелый субъект, чем его предтеча - средневековый трудяга. С другой стороны, наука остается *частичной* производительной силой, которая действует "в обход" непосредственного производителя, через субъектов конструирования и управления, а также "рабочую аристократию". В этом ракурсе не человек потребляет машину, а машина - человека, ибо, владея первичными навыками ее эксплуатации, он не знает системы машин (собственно индустрии), вынужден подчиняться ее неумолимому ритму и равнодушен к стандартному, далекому от поэзии "штучного ремесла", продукту труда. Такое технологическое отчуждение возводится в квадрат экономической формой индустриального общества, которая и была препарирована автором "Капитала". Именно в этой форме - последняя тайна, решающая специфика европейского социума середины XIX века, по терминологии Маркса, "экономическая формация". Он не априорно утверждает о первичности экономического базиса на этой почве, а выводит его как итог "критического расчленения данного".

Но истина конкретна. Оказывается, эта модель вовсе не универсальна, не всеобщий способ производства, а лишь одна из его исторических форм. *Базовый* способ производства может быть и *не-экономическим*. "То, что справедливо по отношению к современному миру, где господствуют материальные интересы, - пишет Маркс, - не применимо к средним векам, где господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика" [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 92]. Экономика как базис - не инвариантная, а, как сказал бы П. Сорокин, переменная величина. Но у Маркса этот концепт не только в стиле ретро. Он и в современных ему неевропейских социумах усматривает "азиатский способ производства". Нетрудно представить, к какой епархии он приписал бы ленинский "примат политики над экономикой". Мы и по сей день живем в чем угодно, только не в экономике.

У Маркса нет идеализации альтернативных "экономическому" способов производства. Скорее всего, он мог бы сказать: "Чума на оба ваших дома", потому что, по словам К. Поппера, «Маркс любил настоящую свободу, а не гегелевскую. Он не чувствовал никакой любви к "царству необходимости", находящемуся в плену своих материальных потребностей. Но он ценил духовный мир, "царство свободы", духовную сторону человеческой природы» [Поппер, 1992, с. 122]. Отсюда - приговор Маркса индустриальному обществу в "экономической" форме как царству "всеобщей полезности", "проституции, или, говоря более вежливо, годности к употреблению". "Капитал, - резюмирует он, - имея тенденцию безгранично повышать производительные силы, вместе с тем делает односторонней, лимитирует и т.д. *главную производительную силу - самого человека*" [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. 1, с. 403].

В таком контексте уже можно понять концепцию "постэкономического" общества, которую разделяет Иноземцев, в ее подлинном отношении к марксизму. При этом Марксу приписывается аналогетика "экономической формации" как исторического инварианта. Но если быть последовательным, то решительно все неэкономические формации, названные уже Марксом, должны были перейти к "постэкономической" формации, минуя экономический содом. Такие эксперименты уже проводились с известным успехом.

Эта логика не случайна. Жесткие "или-или" вообще не из диалектического арсенала, где, в согласии с реальными противоречиями жизни, скорее царит "и-и", совпадение и синтез противоположностей, а не "изничтожение" одной из них. Гипотетическое "постэкономическое" общество - как раз в духе последнего. Здесь, утверждает Иноземцев, будет царить *не труд, а творчество*. В марксовом же понимании будет "снят" не труд вообще, а труд в его отчужденных технологических и экономических формах, т.е. разрешены его противоречия не путем освобождения *от* труда, а *освобождения труда*, обретения им творческого характера.

Осмысление этой великой проблемы требует не вдохновенных сочинений "рецептов для кухни будущего", а усвоения и развития марксовского анализа объективных тенденций преодоления технологического и экономического, а с ними - социального и духовного отчуждения человека труда. Магистраль этой тенденции - эволюция науки как *частичной* (в обход человека труда) производительной силы к ее роли *всеобщей* производительной силы. Для человека в этом качестве "непосредственный труд перестает быть основой производства, так как в одном направлении он преобразуется как деятельность, главным образом направленная на надзор за производством и на регулирование его... но, кроме того, и потому что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда, и, наоборот, в роли производителя выступает сочетание общественной деятельности" [Из неопубликованных... 1939, с. 64]. Непосредственный труд человека как приписка машины устраняется, но, по словам Маркса, для "сложившегося человека, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он (труд. — *И.Л.*) представляет собой применение знаний, экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощенную науку" [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. II, с. 221].

Такой труд, свободный от технологического отчуждения классического индустриального производства, становится императивом превращения человека труда не только во всеобщую производительную, но и в социально-творческую силу. Это требует социального освобождения работника, и не только экономического, но и политического и духовного. Социум, способный реализовать такую модель, есть все основания назвать постиндустриальным, и его Колумбом был Маркс. Не суть важно, что он определил его понятием "коммунизм". Колумб тоже открыл Америку, полагая, что это Индия.

Если основные параметры марксовской модели, по сути, постиндустриального общества верны, т.е. соответствуют объективным тенденциям эволюции и отрицания индустриального общества, то резонно возникает вопрос о степени соответствия этой модели реалиям современного социума (а не наоборот, как у Белла). Конечно, панорама мира на рубеже XX-XXI веков разительно отличается от той, которую "анатомировал" Маркс. Насколько изменилось их *существо*, чтобы квалифицировать как "пост"? Для ответа достаточно выявить основные параметры наиболее "продвинутой" или "цивилизованной" ойкумены мира.

Исходный среди этих параметров - технологический. Отнюдь не в смысле технологического детерминизма, от которого сегодня отрешивается даже один из его крестных отцов Гэлбрейт, а в смысле воплощения марксовского вопроса-критерия: "Как осуществляется свобода?". В этом ракурсе никакие информационные новации, никакие интернеты не отменяют отмеченного Голдманом фундаментального факта: "промышленное производство остается не только весьма значимым, но и в определенной степени даже более важным, чем когда бы то ни было ранее". Это утверждение не бесспорно, однако исчерпывающе убеждает довод американского социолога, что даже производство программного обеспечения компьютерных систем требует новых видов, но опять же индустриального производства. «

Что изменилось в *содержании и характере* труда - пробном камне подлинных инноваций? В этом ракурсе сравним начало и конец нашего столетия. "Духовные основы труда разложились, - констатировал Н. Бердяев, - и еще не найдено новых... Дисциплина труда есть жизненный вопрос для современных обществ. Чтобы дальше

жить, обанкротившимся народам придется, может быть, вступить на другой путь... Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу" [Бердяев, 1994, с. 422]. В мыслях русского философа "что-то слышится родное", явно узнаваемое, но не архаика ли это доинформационного потопа? Послушаем Нестора современной американской цивилизации М. Лернера: "Деградация идеи труда, - отмечает он, - знаменует отступление на второй план всех стимулов к труду, кроме денег" [Лернер, 1992, т. 2, с. 294].

Доктор политологии К. Герман (Кельнский университет) в обобщающей огромный материал статье "Политические перепаутья при движении к глобальному информационному обществу" ставит вопрос: "В какой мере развитие технологий отделено (обособлено) от социального развития?" [Герман, 1998, с. 68]. Иными словами, в какой мере прав Белл и его "пост"-единомышленники? Автор ссылается, в частности, на успешный опыт освоения компьютерных технологий американским Ку-Клукс-Кланом, который первым среди радикальных и экстремистских организаций снял сливки технотронной эры, и аналогичные успехи германских неокоричневых.

Но, возможно, это более или менее впечатляющие феномены, которые можно интерпретировать как паразитирование на плодах запрограммированной на общественное благо информационной революции? Отнюдь. Немецкий эксперт отмечает, что, вопреки программной установке "большой семерки", реалии таковы: "Доходы среднего класса, а также 20% населения, составляющих низший слой американского общества, стабильно сокращаются, тогда как основной капитал сосредоточивается в руках высших социальных слоев, составляющих примерно 1/5 населения. В экономическом развитии Италии, Франции и Германии наблюдаются аналогичные тенденции". И далее - в глобальном ракурсе: "Опасения, что в результате такой политики может сложиться двухклассовое информационное общество, похоже, оправдываются... На мировом уровне проявляются контрасты в возможностях доступа к информационным системам между богатыми и бедными странами. Они имеют многообразные проявления в политике, экономике и культуре" [Герман, с. 72, 74]. Именно эти суждения и оценки приведены здесь сознательно, поскольку Герман - не марксист. Но они один к одному совпадают с известными заключениями крупного неомарксиста, бывшего президента Международной социологической ассоциации П. Валлерстайна.

Выходит, ничто не ново под Луной, и Лернер приводит мнение крупнейшего биолога Дж. Халдейна на этот счет: "Каждый шаг в эволюции каждой группы животных влечет опережение в эволюции их паразитов" [Лернер, т. 1, с. 279].

Обратим внимание на *системный* характер выводов, к которым пришли совершенно независимые критики "постиндустриального", "информационного" или, если угодно, "постэкономического" общества. Речь идет не об экзотических частностях или отчаянных контртенденциях, а о реальной *неспособности* современного западного общества решить гуманистическую сверхзадачу социального освобождения человека труда от всех исторически сложившихся в индустриальной цивилизации форм отчуждения - технологических и экономических, социальных и духовных, национальных и глобальных. Последнее особенно беспокоит. Югославская "точечно-гуманитарная" акция Запада показала, что иллюзия исчезает последней, и он намерен войти в XXI век с традиционным презрением к "слезе ребенка".

В целом это означает, что объективно перед нами - тенденция не к "пост", а к *позднеиндустриальному* обществу. Позднему - потому что знания, информационная революция как действительная основа современного общественного богатства принципиально не изменили архетип индустриальной цивилизации, ее способ производства, ее дегуманизирующее отношение к субъекту труда. Они лишь обострили это глубинное противоречие позднеиндустриального мира. Цивилизация только входит в фазу развертывания этого противоречия, начиная от каждого индивида и устремляясь

в глобальную ойкумену. Эта фаза, если человечеству не изменит инстинкт самосохранения и оно не допустит техногенного апокалипсиса, обещает быть длительной в обозримом будущем. Она непременно, порой до неузнаваемости, будет менять маски.

Формационная "анатомия" позднеиндустриального социума, его цивилизационная "физиология" и культурологическая экспертиза его ментального строя - вот достойные альтернативы утопиям многоликих "пост".

Есть напряженный смысл в том, чтобы поставить вопрос об отношении отечественных реалий к глобальной позднеиндустриальной перспективе. Такого вопроса для Иноземцева не существует, поскольку он усматривает в крахе СССР "коллапс примитивной формы индустриальной системы", гигантского инфанта, так и не сподобившегося стать мужем. В этом во многом смыслообразующем пункте требуются не столько вызванные понятной горечью исторического поражения ярлыки, сколько принципиальные оценки объективного состояния позднего СССР.

В этом аспекте даже Белл не согласен со своим российским последователем. В предисловии к своей книге, изданной в 1999 году, он пишет, что хотя "по оси общественных отношений Соединенные Штаты и Советский Союз можно противопоставить друг другу как капиталистическое общество и общество государственно-коллективистское... по технологической оси и Соединенные Штаты, и Советский Союз рассматриваются как промышленно развитые общества" [Белл, с. ХСІХ]. Советско-коммунистический строй был одной из форм индустриального общества, созданного большевиками в режиме модернизации "догоняющего" типа, т.е. заведомо драматической и во многом трагической ценой. И все же его состояние следует измерять не только впечатляющими человеческими и технологическими триумфами - созданием крупного машинного производства, разгромом нацизма, пионерским штурмом космоса, развитой системой образования и науки или бесспорным международным весом и престижем, но и той системной энергетикой общества, которая обеспечила высоту этих протуберанцев. Достаточно заметить, что, по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, такой обобщающий показатель, как *качество жизни* (его составные - национальный доход, его доля на военные нужды, доля расходов на питание в бюджете семьи, коэффициент смертности, средняя продолжительность жизни) в СССР 60-х годов был сопоставим с показателями ведущих государств Запада и Японии. Это - симптом не примитивного, а *среднеразвитого* индустриального общества и, с точки зрения человека труда, исторически *нормального во всей его драме* способа жизнедеятельности. Однако к 90-м годам стал очевидным разрыв на несколько порядков, и тотальное отчуждение предстало в трагикомедии "застоя".

Вокруг кончины СССР до сих пор кипят страсти. Диагнозы полярны: естественная или спровоцированная кончина, *распад* или *развал*. Известно, что не варвары сокрушили Рим, хотя и были сопричастны к этому действию. Поэтому я сторонник третьего диагноза: самораспад Системы + сопричастность Запада. Но если бы не первый, базовый фактор, второй был бы нейтрализован. История, увы, не знает сослагательного наклонения. Безмерной ценой результативная в среднеиндустриальном качестве Система с ее линейным командно-административным способом производства и управления не смогла ответить на вызов новых высоких и гибких технологий - как вещных, так и человеческих, она блокировала переход к позднеиндустриальному состоянию и, выражаясь ленинским неологизмом, "крахнула".

В итоге общество "полетело" в дурную бесконечность демодернизации, деградации научно-технического потенциала, взрывоопасного снижения качества жизни и естественным образом - утраты международного влияния и престижа. Старые - новые вопросы: что же делать? Куда идти и с чего начать? Определенно следует начинать с выяснения того, где реально мы находимся. Необходимо отрешиться от эпигонско-утопических упований на всевозможные "пост" и, по Спинозе, не плача и не смеясь, понять, концептуально осмыслить, на какой формационной, цивилизационной и социокультурной *стадии* мы находимся. Чем мы еще располагаем, чтобы не улететь в

бездну "последнего и решительного" распада и небытия (а располагаем мы еще немалым потенциалом - человеческим и технологическим), и, не в последнюю очередь, не утратили ли мы исторической пассионарности, *воли к творчеству*, чтобы переломить ситуацию, реанимировать наличный потенциал и, "вернувшись" в средне-индустриальное состояние, неуклонно продвигаться далее, к позднеиндустриальному Рубикону.

Выбор оптимальной модели такого исхода - дело "совокупного интеллекта". Однако любая модель должна, на мой взгляд, отвечать по меньшей мере двум исходным и базовым требованиям.

Во-первых, путем "критического расчленения данного" и его предпосылок необходимо учесть как триумфальный, так и горький опыт "догоняющей" модернизации на пути к среднеиндустриальной цивилизации. Искомая модель должна по необходимости иметь *общецивилизационный* ("компьютер - он и в Африке компьютер"), но вместе с тем и уникальный, хотя и без мессианских претензий, *социокультурный* характер. Иными словами, императив - не просто новая модернизация, а *трансформация* на основе синтеза цивилизационных и социокультурных слагаемых и под интегралом последних.

Во-вторых, необходимо трезвое осознание того, что мы находимся на разломе *основного противоречия эпохи* - между *поздне-* и *средне-*развитыми субъектами мировой шахматной игры. В этой жесткой ситуации выжить - значит обладать незаемной мудростью синтеза общецивилизационных достижений и отечественного социокультурного опыта, а также волей к историческому творчеству. Именно к *творчеству*, потому что Россия, не раз доказавшая способность восставать, как феникс из пепла, еще не решала задач такой сложности и напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. М., 1994. Т. 1.

Герман К. Политические репутация при движении к глобальному информационному обществу // Социс. 1998. №2.

Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

Из неопубликованных рукописей К. Маркса // Большевик. 1939. № 11, 12.

Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. В 2 т. М., 1992. Т. 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.

Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

Переосмысливая грядущее. Крупнейшие американские экономисты и социологи о перспективах и противоречиях современного развития // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11.

Попов Г.^а С точки зрения социал-демократии // Независимая газета. 1999. 14 мая.

Попов Г.^б С точки зрения социал-демократии // Независимая газета. 1999. 4 июня.

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992. Т. 2.

Солодухин Ю. Quo vadis, humanitas? // Свободная мысль. 1999. № 4.